

УДК 316.3

М.К. Зверев

СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНОГО КОНТРАКТА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

М.К. Zverev

SPECIFICITY OF THE SOCIAL CONTRACT IN A MODERN RUSSIAN SOCIETY

The present article is devoted to analysis of phenomenon of a social contract as it appears in today's Russian society. Author is trying to show that some kind of social contract exists in Russia, indeed, but this contract is being concluded among the ruling elite, first of all. As concerns the other segments of Russian society they are becoming the objects of social corruption, where as the instruments of «bribery» the consumer activity, and the value of stability serve.

Вопрос об особенностях социального контракта в том или ином обществе является, по сути, вопросом о формировании консенсуса и по необходимости предполагает аналитический ракурс на основах, на которых строится его композиция. Данный процесс представляет собой, на наш взгляд, следующее. Правящая группа выстраивает свои отношения с обществом, используя, как правило, такой инструмент, как *декларация участия*, под которой мы понимаем «публикуемый» данной властью синтез претензии на господство и сигнала обществу о степени, в которой последнее небезразлично данной власти, другими словами, «решение о выборе совместного жизненного пути» (Ортега-и-Гассет), к которому обществу предлагается присоединиться.

Власть оглашает стандартную декларацию участия, декларацию тотального участия или декларацию тотального неучастия – в случае если большая часть общества воспринимает эту декларацию благосклонно, можно считать, что заложены основы консенсуса между правящей группой и обществом. Однако декларация не должна оставаться пустой словесной формой. Для того чтобы консенсус был закреплён и рутинизирован, а легитимность соответственно подтверждена и закреплена, необходимо некое конкретное его наполнение. Именно здесь формирование социального согласия приобретает зримые и верифицируемые очертания. На наш взгляд, можно выделить всего три базовые формы консенсуса: 1) согласие по поводу основного ценностно-нормативного (символического) каркаса общества; 2) общественный договор (или социальный контракт) (полностью рефлексивная форма консенсуса), 3) социальный подкуп (частично рефлексивная форма). Отметим, что «согласие» (п.1) является, по нашему убеждению, базовой идеальной формой и одновременно главным условием консенсуса в его полностью рефлексивной форме, то есть в виде «общественного договора» (п.2). Частично рефлексивная форма консенсуса в виде социального подкупа (п.3) в таком согласии в общем не нуждается, хотя и не исключает таковое.

Договор, согласно классике, есть «действие двух или более лиц, взаимно *переносящих* друг на друга свои права, причем, утверждает Т. Гоббс, в договорах право переходит с помощью *слов о будущем*» [1]. Договор уже по определению предполагает максимально рефлексивное участие сторон процесса согласования интересов относительно желаемого в будущем состояния дел, включая развитые аргументационные системы, наборы доводов, апелляцию к ресурсам и авторитетам. На наш взгляд, большинство отечественных исследователей феномена социального контракта имплицитно стоят на критиковавшихся ещё Дюркгеймом методологических основаниях, когда договорным объявляется общество уже только потому, что его члены, родившись в нем однажды, не собираются его покидать. В связи с этим, на наш взгляд, правящая российская элита, как не удивительно, использует понятие «общественный договор» гораздо более точно, нежели специалисты – обществоведы. Говоря строже, правящая верхушка гораздо более точна в определении «аудитории», «адресата», «референта» данного понятия, другими словами, участника договора, которого она приглашает к процессу согласования. И этим участником является далеко не «общество», точнее, далеко не всё общество, а только определенная и крайне малочисленная его часть, влияние которой в то же время обратно пропорционально её масштабу.

Данное положение вещей вполне объяснимо с точки зрения проблемы бипартизма в сегодняшнем российском обществе, когда все группы интересов предпочитают иметь дело с государством напрямую, а властвующая элита договаривается фактически сама с собой. Необходимо, однако, пояснить, что такая ситуация обусловлена именно неравновесным распределением в обществе влияния и соответственно разного символического капитала. Т. Парсонс говорил о том, что «положение коллектива или индивида в стратификационной системе измеряется уровнем его *престижа* или способностью оказывать *влияние*, под которым американский социолог понимал одно из обобщенных символических средств социетального взаимообмена наряду с деньгами и властью» [2].

Данная ситуация достаточно адекватно описывается и в терминах теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса. Согласно взглядам немецкого теоретика, «в то время как использование символов конститутивно для поведенческих систем инструментального действия, использование языка является монологическим. Но коммуникация требует использования языка, который не заключен в рамки технического контроля над объективированными естественными процессами. Она возникает из символического взаимодействия *между социетальными субъектами, которые знают и признают друг друга в качестве таковых*. Такое коммуникативное действие есть система референции, которая не может быть сведена к рамкам *инструментального действия*» [3]. Очевидно, что «знают и признают друг друга» в качестве социетальных субъектов, – то есть таких, потенциал воздействия которых распространяется практически на все сегменты общества – прежде всего и главным образом элитные группы, конституирующие правящий класс в данном социуме. Обратные утверждения – или следствие заблуждения, или сознательная манипуляция.

Естественно, что количество участников договорного процесса и соответственно итоговых бенефициариев социального контракта в принципе неограниченно и определяется количеством реально значимых в данном обществе групп – консолидированных общностей, обладающих как материальным, так и (прежде всего) символическим капиталом. В свою очередь, количество данных групп обусловлено степенью развитости гражданского общества. Тем самым рудиментарное гражданское общество редуцирует количество бенефициариев социального контракта к минимуму, состоящему из собственников власти и собственников собственности, то есть фактически к самой правящей элите. Особо зримо можно наблюдать такое положение дел в сегодняшнем российском обществе, хотя такого рода символическая депривация (результатирующаяся неизбежно в депривации социальной и экономической) констатируется исследователями и как общий признак современного мира [4]. По мнению А.С. Панарина, очень трудно понять что-либо в нынешних судьбах социализма и рабочего движения без осознания диалектики материально-эмпирических и символических форм. То же самое, добавим мы, можно отнести и к множеству других социально-профессиональных групп,

особенно в российском обществе. На самом деле, кто прислушивается сегодня к мнению союзов писателей, кинематографистов, художников и других творческих объединений? Кого тронет сейчас пафос правозащитной риторики из уст диссидентов? Кем будут услышаны призывы к нравственному совершенствованию и духовному росту со стороны тех или иных церквей? Кого могут мотивировать на серьезные размышления и тем более действия декларации профсоюзных организаций? Каково влияние так называемых «бюджетников»?

Таким образом, декларация участия адресуется всем слоям и группам общества, однако собственно «договор», как её естественное продолжение, результирующая «процесс торга» фаза заключаются, на наш взгляд, только между правящими группами социума, то есть фактически – внутри элиты, для которой этот контракт является почти (или полностью) юридическим закреплением тех или иных принципов декларации в части, относящейся непосредственно к интересам данных групп.

Социальный подкуп является частично рефлексивной формой общественного консенсуса в силу того, что полностью отдаёт себе отчет в происходящем только одна сторона этих отношений – правящая элита. Те же сегменты общества, которые выступают объектом подкупа, или не осознают происходящего вообще, или едва догадываются о нем – практически на уровне «смутных ощущений». Социальный подкуп как сегмент общего консенсуса всегда увеличивается (или уменьшается) за счет сегмента общественного договора – чем меньше участников последнего, тем больше объектов первого. Значительный удельный вес практики социального подкупа в современном мире вообще и в российском обществе в особенности обусловлен, помимо прочего, как увеличившейся политической индифферентностью широких слоёв населения, так и расширившимися возможностями воздействия на массовое сознание со стороны правящих групп, в ходе которого культивируются «нужное» гражданское самосознание (в меньшей степени) и «нужные» потребительские ориентации и устремления (в большей степени), являющиеся неотъемлемым элементом как идеологии, так и практики консьюмеристского общества. «Новая [индустриальная] социальная система получила в свое распоряжение неограниченные средства для социального подкупа», по выражению британского философа Э. Геллнера [5], и среди этих средств наибольшее значение имеет культивирование, прежде всего, потребительской активности.

По сути дела, речь здесь должна вестись о процессах коммодификации, превращающей всё в предмет купли-продажи, и реификации, оборачивающей предметами всё, включая живых людей и их отношения. Особенно остро стоит данная проблема именно в российском обществе, на наш взгляд, и тон в этих процессах задаёт именно правящая группа. По словам отечественного исследователя В.И. Ильина, «в стране сформировалась такая социальная система, в которой деньги и материальные ценности стали почти единственным мерилем жизненного успеха. Даже власть, почти везде и всегда обладающая свойствами самостоятельной ценности, в России превратилась в инструмент личного обогащения. Властвующая элита собственным примером демонстрировала модель российской либеральной культуры, опорными принципами которой стали ничем не ограничиваемый индивидуализм, личное обогащение как смысл индивидуальной жизни, моральное оправдание любого действия, ведущего к рыночному успеху (обогатившихся не судят)» [6]. То есть именно позиция и экзистенциальные установки элиты во многом играют решающую роль в определении характера общественных отношений в социуме.

Кроме потребительской активности, принимающей в российском обществе также формы лихорадочного приобретательства, стимулируемого повсеместными потребительскими кредитами, в качестве очень действенного средства социального подкупа выступает, на наш взгляд, «стабилизация» – активно пропагандируемое официальными СМИ, частотное в дискурсе представителей власти состояние общества, характеризующееся относительной упорядоченностью и такой же предсказуемостью положения дел в экономической и политической сферах жизни общества. Вне зависимости от того, насколько пропагандируемое состояние стабилизации соответствует социальным реалиям сегодняшней России, достаточно очевидным представляется тот факт, что оно встречено общественным сознанием и массовой психологией населения нашей страны в значительной степени благосклонно. Последнему обстоятельству, думается, немало способствовал факт перманентного реформирования отечественного социума на протяжении более чем двух последних десятилетий. Человек просто не может жить в эпоху нескончаемых перемен. Естественным образом и индивид и группа и общество в целом стремятся к некой определенности и долгожданной предсказуемости, что фиксируется и в эмпирических исследованиях так называемого «стабилизационного сознания» [7].

Действительно, о каком критическом размышлении, о каких сознательных протестных действиях политического характера можно говорить тогда, когда воспоминания о тотальном хаосе и столь же тотальной незащищенности ещё столь свежи в памяти людей, которые, получается, просто «не могут себе позволить» критическое сознание? Имеет место, очевидно, и определенная апатия в обществе, утратившем, по всей видимости, в горниле радикальных трансформаций конца прошлого века некую пассионарность или волю к жизни [8]. Таким образом, в сегодняшнем российском обществе символическая природа общественного консенсуса и социальной солидарности максимально редуцирована за счет их утилитарной природы, актуализи-

рующей сегменты узкого социального контракта и широкого социального подкупа, в принципе, обходящихся без санкции нормативно-ценностного, символического комплекса. Другими словами, социальный консенсус коммодифицируется в современной России, поскольку имеет отношение преимущественно к обмениваемым материальным благам, товарно-денежным отношениям, стоимости, инфляции и прочим категориям экономического плана. Его символическая, мировоззренческая, если угодно – духовная составляющая отступает на задний план, редуцируется перед лицом интересов прямой выгоды и прибыли. На наш взгляд, можно назвать эту ситуацию *институциональной ловушкой коммодификации социального консенсуса*. Возможен ли выход из сложившейся ситуации? Теоретически – да, и прежде всего – за счет расширения сегмента общества, вступающего в социальные договоренности с правящей элитой, и кристаллизации достаточно сложного и ригидного нормативно-ценностного каркаса общества. Однако, учитывая, что все социальные инициативы стремится «организовать и возглавить» в нашем обществе именно правящая элита, задачи эти не выглядят легкими. Таким образом, российскому социуму в течение, видимо, достаточно длительного периода придется существовать в условиях социального консенсуса, характеризующегося крайней узостью социального диалога и практически полным отсутствием развитой символической интегративной системы. Фактически, такой контракт выступает, по сути, суррогатом действительного общественного договора, в котором стороны ведут равный диалог и в котором нет «особо важных персон» и «третьеразрядных» участников.

Литература

1. Гоббс Т. О гражданине. Соч.: в 2 т. Т. 1. / Т. Гоббс. – М.: Мысль, 1989.
2. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс. – М.: Аспект Пресс, 1997.
3. Парсонс Т. Knowledge and Human Interests / Т. Парсонс – Л.: Heinemann, 1971.
4. Панарин А.С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств/ А.С. Панарин // Вопросы философии. – 2003. – № 6.
5. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники / Э. Геллнер – М.: Московская школа политических исследований, 2004.
6. Ильин В.И. Общество потребления: теоретическая модель и российская реальность / В.И. Ильин // Мир России. – 2005. – № 2.
7. Паутова Л.А. Стабилизационное сознание: интегративная модель / Л.А. Паутова. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2006.
8. Федотова В.Г. Политический класс, население и территория / В.Г. Федотова // Свободная мысль – XXI. – 2004. – № 2.

Literature

1. Gobbbs T. About the citizen. Comp. in 2 v. Vol. 1. – Moscow: Mysl, 1989.
2. Parsons T. System of modern societies. – Moscow: Aspect Press, 1997.
3. Habermas J. Knowledge and Human Interests. L: Heinemann, 1971.
4. Panarin A.S. Postmodernism and globalisation: the project of clearing of proprietors from social and national obligations// Philosophy Questions. – 2003. – № 6.
5. Gellner E. The conditions of freedom. A civil society and its historical contenders. – Moscow: The Moscow school of political researches, 2004.
6. Ilyin V.I. The society of consummation: theoretical model and the Russian reality//The World of Russia. – 2005. – № 2.
7. Pautova L.A. The stabilisation consciousness: integrative model. – Omsk: Publishing house OmGSU, 2006.
9. Fedotova V.G. A political class, the population and territory//Free thought - XXI. – 2004. – № 2.

Зверев Михаил Константинович – доцент Российской академии правосудия (Восточно-Сибирский филиал).
e-mail: karmado@yandex.ru